Заключительное слово

Петр Павлович Маслов начал свою речь замечанием, что есть два метода планирования. Один метод — статистический. В его изображении это метод произвольных статистических построений, которые можно так же произвольно менять, как они проектируются. Другой метод, как он говорит, более конкретный и реальный, это — метод хозяйственный. Он применяется с успехом в частном хозяйстве, им руководствуется каждый хозяйствующий суб'ект. Особенностью этого хозяйственного метода является отсутствие органической связанности в проектировках с другими отраслями народного хозяйства, независимость проектировок от них. По отношению ко всему народному хозяйству этот метод тоже никуда не годится. Вот к этому второму методологическому типу и относит П. П. тот метод, который предлагает сейчас комиссия генерального плана. Сам он утверждает, что стоит на иной точке зрения и предлагает иной метод.

Я попробовал отнестись внимательно к словам Петра Павловича, и внимательно прочел стенограмму его речи. Какой же метол он рекомендует? Отвергнув оба приведенных метода он ставит вопрос: "Как же подойти к планированию с народнохозяйственной точки зрения"? И отвечает: "Буржуазная экономика не дает, по моему, никакого материала для построения перспективного плана, но его дают, по моему мнению, работы К. Маркса, а именно его главы о простом и расширенном воспроизводстве". И дальше он говорит: "Если вы посмотрите, из чего исходит простое и расширенное воспроизводство, то придете к тому, что расширенное воспроизводство базируется на накоплении, что без учета накопления вообще невозможно никакое перспективное планирование". Какое накопление? спрашивает он. Есть производственное накопление, есть непроизводственное. Первое имеет положительное значение, второе отрицательное. 3 "Значит в основном, прежде чем планировать, нам приходится исходить из самых общих положений о производственном и непроизводственном накоплении". "Но производственное и непроизводственное накопление в свою очередь связано с производством и потреблением. Все эти проблемы ставятся при построении перспективного плана? — Я не заметил их", — говорит Петр Павлович.

Вот это странное обстоятельство, что Петр Павлович не заметил постановки этих проблем, заставляет меня теперь продемонстрировать перед вами, каким образом они поставлены.

На стр. 32—35 "План. Хоз.", № 4 за 1928 г., напечатана "Программа работ по экономике народнохозяйственного целого". В этой программе имеется глава 7, тема которой: "масса вновь создаваемой ежегодно в СССР ценности". Эта колоссальной, решающей важности проблема приводит далее к целому ряду новых проблем: "Распределение вновь создаваемой ежегодно в СССР ценностной массы: потребление, воспроизводство (простое), производственное накопление (расширенное воспроизводство), накопление товарных запасов, личное накопление в предметах потребления (жилище, одежда и пр.) и сокровища".

"Социалистическое накопление и возможности расширенного воспроизводства при рациональном использовании трудовых ресурсов.

Темпы расширения воспроизводства".

Далее, в главе 9 специальный пункт гласит: "Потребление (непосредственное, осуществляемое как в индивидуальном, так и в общественном порядке): 1) потребление рабочего; 2) потребление крестьянина; 3) потребление служащего".

Специальная глава 12 посвящена "балансу продукции и потребления". В этом балансе мы вновь встретимся с производственным и непроизводственным потреблением; сальдо баланса покажет нам степень использования создаваемых ресурсов, а анализ баланса покажет направление их использования, в том числе производственное и непроизводственное накопление.

Наконец, глава 16 указанной программы посвящена "проблеме равновесия хозяйственной системы, его материальным условиям и количественному выражению". В этой главе и должно найти свое развернутое и конкретизированное выражение применение марксовых схем воспроизводства и кругооборота общественного "капитала".

Нужно быть слепым, чтобы не заметить этих глав в программе нашей будущей работы. Тем более, что в них (если вы внимательно прочтете их полностью в тексте работы), сформулировано, по существу, дерзостное задание: попытаться вскрыть фетишистическую оболочку ценностных отношений и выявить основные производственные отношения в рабочем времени. Мы считаем, что в генеральном плане строительства социализма мы обязаны уже так поставить вопрос.

Но эта странная слепота П. П. Маслова продолжается и дальше. "Экономического цемента,—говорит он,—которым скрепляется весь тот громадный материал, из которого предполагается построить здание генплана, этого цемента я не вижу. Докладчик, так же, как и другие плановики, говорит: "вот на этом месте мы свалим кирпич,

¹ Отмечу здесь мимоходом, что не всякое непроизводственное накопление есть отрицательный момент, как думает П. П.; накопление, напр., необходимых товарных запасов, страховых и резервных фондов не есть отрицательный момент.

а на этом месте свалим лес, а здесь железо..." и доходит до деталей,— "а вот здесь ручки от дверей..." но как строить, где тот цемент, посредством которого можно весь этот сырой материал превратить в здание, об этом не говорят". Где же этот цемент?

Приходится констатировать, что только своеобразной слепотой и можно об'ясить то обстоятельство, что П. П. Маслов не заметил целого раздела в программе наших работ, целую треть этой программы, не менее и даже едва ли не более важную, чем отраслевые и порайонные проработки и посвященную экономике народнохозяйственного целого. Как не заметил он и того, что целая треть работы, напечатанной в № 4 "План. Хоз.", посвящена вопросу о том, как, каким образом, пользуясь частными порайонными и поотраслевыми проработками мы должны будем создать картину целого, и что мы должны предвидеть уже сейчас в этих проработках, чтобы обеспечить их сводимость, т.-е. той части работы, которая посвящена методике сводки. Я не говорю уже об отдельных замечаниях, рассыпанных по всем главам нашей работы и свидетельствующих о постоянном внимании к проблеме целого.

П. П. Маслов поучал нас здесь марксовым схемам воспроизволства. У В. А. Базарова в его "Кривых развития" есть очень хорошее сравнение. Он говорит, что, конечно, знаменитые марксовы схемы воспроизводства, данные им в томе II "Капитала" для нас так же обязательны, как обязательны для инженера законы Ньютона о пвижении, Однако, самая практика регулирования народного хозяйства неизмеримо сложнее и требует разработки целой теории народнохозяйственной статики и динамики, в которой марксовы схемы воспроизводства займут такое же почетное место, как законы Ньютона в современной механике. Но совершенно так же, как, опираясь на одни только законы Ньютона, нельзя построить электрическую станцию, так нельзя создать народнохозяйственный план, опираясь на одни только марксовы схемы воспроизводства. И вот я спрашиваю вас: представьте себе, что физик пришел бы на Днепрострой и полняв палец кверху, начал бы декламировать: "Corpus omne perseverare in statu suo quiescendi vel movendi uniformiter in directum..." и т. д. (первый закон Ньютона). Как бы взглянули на него люди, работающие сейчас над созданием Днепровской электрической станции? Только, как на чудака.

Между тем, мы с вами были сегодня свидетелями подобного выступления. Разрыв между общими теоретическими построениями и запросами практики, характерный для выступления П. П. Маслова, целиком его обесценивает и делает странным, как выступление вот этакого философа на Днепрострое. Разумеется, это азбука для нас! И эта азбука нами учтена, как это не трудно заметить при внимательном чтении.

Эта теоретичность выступления П. П. делает понятным, почему он недоумевает и относительно постановки вопроса о расши-

ренном воспроизводстве рабочей силы. Он говорит, что в других областях он это понимает, но в этой отказывается понять. И это станет об'яснимо, если обратиться к самой установке тов. Маслова. Как он формулирует проблему? Он говорит: "Что такое воспроизводство рабочей силы? Это удовлетворение личных и общественных потребностей населения, т.-е. потребление продуктов его производства". Таким образом, из поля его зрения целиком выпадает актуальнейший вопрос, которым болеет сейчас плановая мысль, вопрос о специальной подготовке квалифицированной рабочей силы — школа всех видов и прочие виды специальной подготовки. Между тем, момент этот имеет огромное значение в деле планового регулирования. В. А. Базаров совершенно правильно отмечал это здесь. Часто мы просто не в состоянии развивать ту или иную новую отрасль промышленности из-за недостатка подготовленной рабочей силы. И этот момент исчезает из поля зрения П. П. Маслова.

Далее, говоря об общих схемах воспроизводства, П. П. пытался популярно об'яснять нам важность проблемы темпа воспроизводства и темпа накопления. Ну что сказать человеку, который тоном меламеда поучает нас здесь на эту тему, в то время как мы считаем этот вопрос одним из важнейших вопросов в наших проектировках, считаем его одним из важнейших и решающих моментов в нашей борьбе с капиталистическим миром! Кстати сказать — вопреки А. Л. Вайнштейну, —который полагает, что не важно, достигнем лимы поставленной цели через 12—15 или через 25 лет.

Резюмируя сказанное по поводу речи П. П. Маслова, мне кажется, можно констатировать, что никакого иного метода, кроме развитого нами в нашей работе, П. П. Маслов здесь не предложил. Хозяйственным он, повидимому, показался ему в сравнении с той бесхозяйственностью, которую он сам обнаружил сегодня в обращении с материалами, ставшими об'ектом его критики. Впрочем этот термин П. П. не так уже одиозен по существу в применении к плановому хозяйству. Этим методом, говорит П. П., руководствуется каждый хозяйствующий суб'ект и он с успехом применяется в частном хозяйстве. Что же удивительного, если им пользуется и коллективный хозяйствующий суб'ект — пролетариат? Через свои плановые органы он имеет все основания поставить вопрос о конкретном и рациональном построении своего хозяйства в противовес иррациональности капиталистического народнохозяйственного регулирования. Вполне понятно поэтому, что многие из методов, доступных ранее лишь в небольшом отдельном хозяйстве становятся достоянием рационалистического руководства в хозяйстве СССР.

Иосиф Адольфович Трахтенберг упрекнул меня в узком практицизме. Раньше мне пришлось выслушать упрек иного порядка; меня упрекали в профессорской установке, и если хотите, ваш упрек в практицизме я воспринимаю до известной степени, как похвалу,

191

ибо он свидетельствует мне, что, очевидно, практический дух во всяком случае не чужд моей работе. А между тем, ведь эта наша работа имеет своей целью организовать всех нас для работ по генеральному плану. И если бы она была лишена практического духа, было бы чрезвычайно печально. Правду сказать, я воспринял этот упрек очень остро. Вы помните я задал вам вопрос: в чем собственно заключается этот практицизм? Вы ответили: "Хотя бы в том, что у вас техническая реконструкция довлеет. В том, что у вас развертывание хозяйства сводится к техническим достижениям и нигде я не вижу во всей вашей концепции тех социальных сдвигов, о которых вы очень много говорите в начале статьи. В самой методологии работы они не предусмотрены".

В вашей речи, И. А., вы также утверждаете, что "план реконструкции, нам представленный, в сущности, является реконструкцией технической". "Телеологический принцип, подчеркиваемый планом, сводится к технической реконструкции" и "перестройка общественных отношений не устанавливается, как априорное задание".

Не трудно показать, что это прямое недоразумение. Как определяем мы в своей работе задачи генерального плана? В главе 2, посвященной этому вопросу, можно прочесть следующее: "Чем должен быть генеральный план? Он должен представлять собой нашу экономическую программу, программу реконструкции всего народного хозяйства СССР на энергетической базе с оптимальным использованием достижений мировой техники и применением принципа общественного разделения труда между экономическими районами. Это должен быть экономический план нашего движения к социализму".

Вслед за этим идет большой абзац, из которого И. А. цитировал начальные слова каждой фразы, чтобы показать мои формулировки, карактеризующие генеральный план, как план, который должен быть очерчен основными контурами. Если дочитать каждую фразу этого абзаца до конца, то там мы встретим вот какие задания и целевые установки:

...,План этот должен определить основные типы и формы социально-экономического развития как отраслей, так и народнохозяйственного целого, диференцируя их по районам, 4) план должен дать компановку модели народнохозяйственного целого на определенном этапе развития, когда с точки зрения наших современных социально-экономических и технических представлений реконструированная техника и обобществленные формы будут настолько преобладающими, что позволят уже говорить о новом типе общества, о существенном приближении к поставленной перед нами конкретной цели и, наконец, 5) это должен быть конкретный план движения к этой цели, без чего он мог бы оказаться нереальным, оторванным от действи-

тельности. План должен показать, как, какими путями, с применением каких организационных методов, с каким использованием материальных и энергетических ресурсов мы сможем в кратчайший срок и наиболее экономно этой цели достигнуть".

Ведь в этих строках колоссальнейшая программа работ по социально-экономической реконструкции. Как же можно говорить после этого, что "в самой методологии работ они (социальные сдвиги) не предусмотрены?"

Дальше в главе "Общие вопросы методологии генплана" на стр. 11 читаем: "Все эти работы (речь идет о работах по выявлению оптимумов по отраслям, районам и народнохозяйственному целому) должны вестись не только в технико-и организационно-производственном аспекте..., но и в социально-экономическом аспекте (социально-экономические типы и формы производства, организация людей и их отношений), с четкой формулировкой тех целей, достижением которых мы задаемся в плане реконструкции".

Затем дальше в этой же главе, на стр. 12, там, где приведен пример с сельскохозяйственным машиностроением, говорится следующее:

"Однако, одного агротехнического аспекта для разрешения вопроса о количестве и ассортименте с.-х. орудий и машин еще недостаточно. Необходимо взвесить потребность в с.-х. машинах и орудиях и с точки зрения социально-экономических форм развития сельского хозяйства. Будем ли мы иметь через 12-15 лет 35 миллионов индивидуальных крестьянских хозяйств, как думают некоторые, или, задержав парцеллирование их, сохраним имеющиеся сейчас 25 миллионов дворов, оставляя их индивидуальными хозяйствами. или же поведем крестьянство по пути обобществления и как поведем его, какое количество земли будет у нас обрабатываться в совхозах, какое в артелях, какое будет об'единено по типу украинских "громад" (Сычевка), — или иными путями? В зависимости от того или иного разрешения вопроса о социально-экономических формах развития внутри, скажем, того же "тракторного сектора" (если говорить о техническом типе хозяйства), количество тракторов может быть потребно совершенно различное. Известно, например, что при переходе к общественной обработке земли в больших масштабах количество тракторов, необходимых для с.-х. работ, сокращается почти вдвое по сравнению с количеством, необходимым для индивидуальных хозяйств. Технический тип тот же самый, но изменившиеся социально экономические формы вызывают и резкое изменение количества необходимых машин".

"И лишь проработав вопрос о с.-х. машиностроении со всех этих точек эрения — технической, организационно-производственной и социально-экономической, — мы можем питать надежду избежать явных несуразностей и нелепостей в наших проектировках. То же

193

самое будет иметь место и по отношению к каждому разделу, каждой отрасли, каждому району.

Поэтому вопрос о технико - и организационно-производственных типах и социально-экономических формах развития должен прорабатываться не в одном каком-либо разделе работ, но во всех разделах: отраслевом, порайонном и всесоюзном".

Читая дальше абзац за абзацем, главу за главой, вы убедитесь в том, что все они пронизаны мыслью о социально-экономической реконструкции, для которой реконструкция техническая является лишь необходимым вооружением.

Тов. Зак совершенно правильно понял нашу основную мысль. Тот генеральный план, который мы конструируем сейчас в СССР, должен охватить собою переходный период вплоть до того момента, когда количественные изменения, накапливаясь, создадут уже иной и качественный результат, т.-е. вплоть до того момента, когда обобществленные формы и реконструированная техника станут настолько преобладающими, что можно уже будет говорить о новом типе общества.

Но в некоторые формулировки тов. Зака необходимо внести поправку. Он говорит: "Вся конструкция генерального плана должна быть построена таким образом, чтобы она дала нам процесс ликвидации нэпа и создание на развалинах нэпа какого-то нового уклада, который называется социалистическим".

Конечно, ни о каких "развалинах" нэпа, ни о какой "ликвидации" его говорить не приходится. Никаких "развалин" нэпа не будет.

Уточняя формулировку тов. Зака, следует сказать: генеральный план должен охватить собою период завершения того исторического маневра, который принято называть новой экономической политикой, или, как говорит дальше сам же тов. Зак, — конкретно представить нам "процесс перерождения нэпа в социализм".

Вот этот переходный период и призван по всей нашей концепции охватить конструируемый в настоящее время генеральный план.

Во втором своем слове И. А. Трахтенберг уже сдает половину своих позиций и утверждает лишь, что социально-экономическая установка, прокламированная в первой части доклада, не гарантируется программой работ.

Возражая П. П. Маслову, я уже привел целый ряд пунктов программы, показывающих, что это не так. Здесь я добавлю следующее:

1) Программа отраслевых проработок начинается вводным абзацем, который гласит, что каждый параграф ее прорабатывается с подразделением по социально-экономическим типам хозяйства (как в его современном состоянии, так и в проектировках) до социалистического уклада включительно. Определение социально-экономических форм, в которых проектируется развитие, таким образом, является обязательным для каждой отрасли.

2) Программа порайонных разработок плана заканчивается подобным же указанием о том, что, работая над каждой главой районной программы, необходимо продумывать ее в социально-экономическом аспекте, с обязательным определением социально-экономичеческих форм развертывания хозяйства.

Тем самым программа представляет достаточный простор для того, чтобы целевые установки, данные в методологической части, смогли получить надлежащую и конкретизированную разработку.

Наконец, 3) программа работ по экономике целого имеет с этой целью ряд специальных глав:

Гл. 4. "Общие принципиальные установки в технической, энергетической и социально-экономической реконструкции СССР." В проспекте этой главы можно прочесть следующие строки: "Кроме вопросов энергетической и технической реконструкции, здесь должны быть продуманы и очерчены социально-экономические формы хозяйства, об'ем, охватываемый ими, и их удельные веса в системе хозяйства Союза, организационные формы кооперирования города и деревни и т. д., и т. п."

Гл. 6. Организация труда.

Гл. 7 и 8, ставящие проблемы наиболее рационального распределения народнохозяйственной продукции по руслам производства, накопления и потребления, и проблему отношений города и деревни.

Гл. 9, охватывающая весь комплекс так называемых социально-культурных проблем.

Гл. 13, ставящая проблемы организационной рационализации всего процесса распределения народного дохода и замены современных его форм (бюджет, кредит, ценовое распределение) формами адэкватными сущности новых отношений, складывающихся к концу периода, охватываемого генпланом.

Гл. 17 и 18, ставящие проблему планового регулирования народного хозяйства, его методов и рычагов во весь ее рост, как основную организационную проблему социализма, ставящие, затем, экономические проблемы организации промышленности, транспорта, сельского хозяйства, товарооборота и т. д., рационализации их организационных форм, отыскания адэкватного организационного выражения происходящих изменений социальной сущности протекающих в них хозяйственных процессов и, наконец, вопросы "конституционного" выражения этих проблем — перерастания государственного аппарата в экономический аппарат коллективного хозяйствующего суб'екта.

Менее характерных проблем, стоящих в плане работ, я здесь не привожу.

Эта программа, вместе с целевой установкой на строительство социализма, данной в первой части работы, как раз и является гарантией, которую ищет И. А. Трахтенберг.

Неудовлетворенность И. А. станет понятной только в том случае, если предположить, что он ищет не программу работ, а ответа на вопрос о том, каким образом эти проблемы разрешаются в генеральном плане. На этот вопрос, разумеется, отвечать в нашей работе было бы преждевременно.

Затем я перехожу к вопросам, возбудившим столько недоумений, и прежде всего к вопросу о стабильных ценах. Тов. Гордон своим выступлением облегчил мне задачу защиты этого приема разработки плана. Поэтому я добавлю немногое.

Что сказали бы вы, если бы кто-либо поступил следующим образом. Допустим, вам требуется 25 помножить на 13. Я начинаю:

 $\times \frac{25}{13}$ $\overline{75}$

В это время кто-то говорит: "Чорт знает, что такое: у вас $25 \times 13 = 75$!"

Примерно то же происходит здесь. И. А. Трахтенберг упрекает меня в том, что здесь заранее устанавливается неизменность всех социально-экономических отношений, что комплекс старых социальных отношений сохраняется в качестве априорной предпосылки и т. п. Позвольте, я хочу 25 × 13, вы останавливаете меня на полдороге и начинаете анализировать "результаты", как будто бы умножение уже произведено. Необходимо понять, что это незаконченный момент счета, что мы здесь на половине дороги и что о первом приближении генерального плана в этой стадии счета еще нельзя говорить. Позже, когда мы введем подвижные цены, подвижную заработную плату и т. д., распределим народный доход по различным руслам его движения, сбалансируем проектировки,— мы получим связную картину социально - экономического целого. Только тогда можно пред'являть те экономические требования, о которых вы говорите.

Между прочим, эта ошибка и эти возражения крайне типичны и повторяются почти каждым синтетически мыслящим человеком, когда он впервые знакомится с этим техническим приемом проектирования. Имея в виду это обстоятельство, тов. Гухман говорил мне, что может быть об этом приеме не стоило упоминать. Однако, я думаю, что если речь идет о технике построения генплана, то об этом говорить следует, так как без этого приема нам не обойтись. В самом деле, мы подходим к проектировке развертывания отраслей по всем отраслям сразу, или хотя бы по ведущим отраслям. Можем ли мы ввести в проектировку какие-либо иные цены, кроме тех, которые нам известны сейчас? Тов. Гордон уже на этом останавливался. Что, кроме фантазии, тут можно ввести в качестве ценообразующих факторов в калькуляцию цен еще до разработки планов развития других отраслей, если отказаться от цен отправного года? Что, кроме вреда, получится от таких помноженных друг на друга фантазий?

Чтобы сделать расчеты соизмеримыми, мы берем всюду цены отправного года. Вводя в калькуляцию стабильные цены и стабильную сетку заработной платы, мы тем самым делаем возможным определение эффекта, который получится от реконструкции данной отрасли, самой по себе.

Возникает вопрос: какой реконструкции? Тов. Гордон на этот, поставленный ему с места вопрос ответил: технической реконструкции. Не только технической. Возьмем пример: кустарная промышленность, производящая 10.000 штук столовых ножей ежегодно. Вы проектируете заменяющую ее государственную фабрику, производящую 1.000.000 штук ножей ежегодно. Вы здесь имеете сложную реконструкцию: с одной стороны—техническую, с другой—социально-экономическую. Учесть ее итог в смысле снижения себестоимости продукта, не обманывая себя и других успехами реконструкции в других отраслях, вы сможете, лишь пользуясь неподвижными ценами отправного года.

Другой пример. Скажем, вы рассматриваете производительность труда на одно лицо, занятое в производстве, и себестоимость тонны пшеницы — в сельском хозяйстве данной волости, имеющей определенное количество земли, рабочих рук, имеющей определенный инвентарь, применяющей трехпольную систему севсоборота и представляющей собою сумму индивидуальных крестьянских хозяйств; и затем рассматриваете те же показатели в том же сельском хозяйстве волости, но только целиком реконструированном путем введения тракторной тяги и машинной обработки и путем производственного кооперирования той же волости, перешедшей на общественную обработку земли и уборку урожая и на многопольный севооборот.

Вы имеете здесь еще более сложную реконструкцию: техническую, организационно-производственную и социально-экономическую. Непосредственный экономический результат ее вы можете учесть в таких показателях, как производительность труда на одно занятое в производстве лицо, себестоимость единицы продукта и пр.

Но как вы практически сможете учесть производительность труда? Только исчисляя разнородную и меняющуюся по своему составу в результате реконструкции продукцию волости в неизменных ценах отправного года. Этот практический прием с допустимой степенью приближения заменит вам количественное исчисление продукции на одного занятого рабочего, не осуществимое в натуре в виду несопоставимости разнородных продуктов. Снижение себестоимости тонны пшеницы в результате проведенной реконструкции вы также сможете учесть, лишь оперируя неизменными ценами отправного года. В противном случае все окажется спутанным.

Получив, таким образом калькуляцию себестоимостей по всем отраслям по ценам отправного года и наметив соответственно необходимые отпускные цены, вы вводите эти измененные цены во все калькуляции и получаете новое снижение себестоимостей, на этот

раз уже являющееся для каждой отрасли результатом реконструкции других отраслей. На основе этого нового снижения вы проектируете новые отпускные цены, которые вновь вводите в пересчет. Повторив эту процедуру несколько раз, вы, наконец, исчерпаете действие ваших проектировок на себестоимость и получите экономическое выражение народнохозяйственной реконструкции в ценах товаров.

Все это даст затем возможность судить о чистом росте реальной заработной платы в результате запроектированной реконструкции при стабильной еще сетке ее, после чего вы сможете подойти к разрешению вопроса о необходимой и всесторонне взвешенной линии динамики номинальной заработной платы.

Разница в ценовом выражении валовой продукции страны по ценам отправного года и по ценам, полученным в итоге народнохозяйственной реконструкции к конечному году проектировки (при стабильной еще сетке зарплаты) составит тот фонд, который будет подлежать распределению, в оптимальном с народнохозяйственной точки зрения отношении между: 1) добавочным накоплением, идущим на расширение производства; 2) ростом благосостояния населения, получающимся в итоге снижения цен (рост реальной зарплаты), и 3) ростом номинальной зарплаты.

В целях уменьшения количества счетных операций можно было бы изменения в сетке зарплаты ввести в расчеты одновременно с введением в кулькуляцию снижающихся цен. Однако, это затруднило бы проектировку рационального использования экономических результатов намечаемой реконструкции.

Таким образом, мы приходим к выводу о методологической необходимости и правильности применения в качестве подсобного приема— стабильных цен и неизменной сетки зарплаты.

Останавливаюсь здесь еще на одном методологическом приеме. Ряд товарищей возражал здесь против идеи удвоения народного дохода. Возражения эти продолжались и после того, как я в порядке фактической справки напомнил, что нигде в докладе, ни в печатной работе момент удвоения не фигурирует.

Должен сказать, что меньше всего эти возражения относятся ко мне. "Патриотом" метода удвоения я вовсе не являюсь. В свое время работниками комиссии генплана была выдвинута идея замены конечного срока проектировки генплана некоторым экономическим моментом, в который и должен быть произведен "моментальный фотоснимок" состояния народного хозяйства, каким оно представляется на рассматриваемой стадии реконструкции. Таким моментом они выбрали удвоение народного дохода (среднего реального на душу населения). Этот методологический прием был в свое время принят комиссией и, как известно, старые проектировки генплана им пользуются.

Мне удалось доказать, что в таком виде это методологическое допущение не выдерживает критики, ибо момент удвоения, во-первых, практически не устраняет собою срока и по целому ряду причин проектировки фактически ведутся на три пятилетия. Поэтому, как я говорил уже в докладе, нам пришлось посмотреть правде в глаза и принять, что мы ведем свои проектировки во времени. хотя и не фетицизируя календарных сроков. А во-вторых-момент удвоения не является каким - либо показательным или переломным экономическим этапом, который бы заслуживал того, чтобы о нем стоило говорить и к нему приурочивать проектировки генерального плана в советском государстве. К моменту удвоения никакого генерального плана могло бы и не получиться; это мог бы быть просто некоторый отрезок перспективного плана. Поэтому мы остановились на ином моменте: мы взяли своей основной установкой социально- и технико-экономическую реконструкцию в том понимании, которое я изложил в своем докладе, и все остальное, кроме, разумеется, основных регулятивных идей, об'явили искомым.

При этом в качестве методологического приема, позволяющего нам разорвать замкнутый цепной связью круг экономических явлений, мы приняли метод рабочих гипотез: о сроке, в течение которого может быть достигнута намечаемая степень реконструкции, о росте населения — этой основной производительной силы страны, — о росте народного дохода — в целях получения некоторой предварительной ориентации относительно емкости рынка и возможных размеров будущей продукции.

Рабочие гипотезы эти должны быть приняты на основе некоторой предварительной проработки вопроса, с тем, чтобы потом проверяться и уточняться по мере разработки плана. Что касается гипотезы о росте народного дохода, то ей мы придаем "сугубоусловный характер" и принимаем лишь "для первых этапов работ". 1

При чем, однако, считая масштабы продукции одним из решающих моментов в проектировках, мы предупреждаем от рутинного подхода к нему, направляя мысль проектировщика ко всестороннему взвешиванию возможностей развертывания производства. Мы говорим: "Если бы мы подошли к развертыванию данной отрасли лишь с меркой коэфициента изменения народного дохода, то получился бы весьма печальный результат". ² Пример — проблема развертывания производства удобрений.

Но метод проектировки ориентировочного коэфициента изменения народного дохода вовсе не единственный способ подхода к первоначальной наметке масштабов продукции. (Речь идет о самой первоначальной наметке. Иллюстрируем это примером из другой

2 Глава о сводке, стр. 41.

¹ См. главу "Специальные вопросы общей методологии генплана", гтр. 17, п. 2.

области. Вы приступаете к лепке; какой ком глины вам надо взять: в килограмм или в тонну?). Возможны и другие пути. В своей статье на стр. 41 я пишу: "В генеральном плане мы ставим своей задачей ликвидацию технической отсталости по сравнению со странами передовой техники. Это влечет за собой и ликвидацию отсталости в потреблении. Отсюда мы можем подойти к первоначальному определению необходимых размеров продукции, привлекая на помощь показатели изменений структуры спроса и производства в странах капитализма по мере их индустриализации, роста культуры и благосостояния, памятуя, конечно, что к этим показателям необходимо относиться критически и пользоваться ими лишь в качестве опорных точек для собственных суждений".

Мы ликвидируем нашу техническую отсталость по сравнению со странами передового капитализма.

Тем самым мы потенциально ликвидируем и нашу отсталость в потреблении, технически обеспечивая производство.

Отсюда вывод о возможности приблизиться к определению примерных масштабов продукции к моменту такой ликвидации отсталости, взяв передовые нормы потребления стран капитализма и модифицировав их применительно к нашим естественно-историческим, технико-производственным и социально-экономическим условиям (беря предположительно второй и третий факторы по их состоянию к концу периода генплана).

Этот метод-гипотеза структуры потребления к моменту ликвидации отсталости и отсюда гипотеза примерных масштабов продукции, — может заменить собою метод ориентировочного определения коэфициента изменения народного дохода на душу населения. Он является более конкретным, и потому, может быть, более соответствующим принятой нами методологии плана реконструкции.

Если принять этот первый путь, тогда материальная задача генплана в первоначальный момент работы может быть сформулирован так.

Дано задание: достигнуть таких-то масштабов продукции (обратная сторона — потребления и накопления) на единицу населения. Даны условия его выполнения: наличные естественные ресурсы, средства производства, наличная рабочая сила общества, наличные достижения мировой техники, отношения с капиталистическим миром и пр. Спрашивается, какими технико-производственными методами, в каких социально-экономических формах (при какой степени обобществления) и, наконец, при какой организации процесса расширенного воспроизводства и кругооборота "капитала",— эта задача в кратчайший срок может быть разрешена?

Таким образом, вы видите, что предварительная ориентировочная проектировка коэфициента роста народного дохода получает настолько подсобный характер, что от него без труда затем можно отказаться. Как выразился кто-то из работников генплана, наши

рабочие гипотезы, это — лишь леса, применяемые при постройке здания, которые затем будут сняты.

Теперь несколько слов относительно статистических подсчетов. А. Л. Вайнштейн предполагает, что в генеральном плане чуть ли не совсем нужно обойтись без статистики, или во всяком случае почти без статистики. Я неоднократно упоминал в своей статье о том, что статистика должна носить подчиненный запросам экономики, политики и техники характер. Но отказаться вовсе от статистики—это значит решиться на проектировку воздушных замков, абсолютно ничем не обоснованных, пойти по пути утопии и фантастики, против чего здесь предостерегал целый ряд товарищей.

В связи с этим возникает вопрос об об'еме работ.

А. С. Гордон говорит, что намеченный об'ем работ его приводит в содрогание, он опасается, что ему не удастся дожить до окончания работ по генеральному плану. 1 Думаю, однако, что эти опасения коренятся в нашем прошлом, когда, находясь в подготовительной стадии, работы по генеральному плану велись разрозненным фронтом и в порядке "кустарного производства". Тот путь построения генерального плана, который мы теперь предлагаем, можно было бы называть индустриальным методом. Идя широким фронтом целостного охвата народного хозяйства, мобилизовав для этих работ силы, которые необходимы для охвата стоящих перед нами и требующих своего разрешения в генеральном плане проблем, мы сможем проделать эту работу и дать первую компановку плана (не "материалов", а самого плана) в пару лет. То, что кажется недоступным для ума отдельного исследователя, будет успешно разрешено в порядке организованного сотрудничества грандиозного многотысячного коллектива. Он и явится той колоссальной машиной, которая "переварит" этот пугающий отдельного исследователя материал и приподнесет его в компактной и обозримой форме конкретных выводов и таких немногих "статистических" величин, как коэфициент нашего энергетического вооружения, коэфициент роста производительности труда по каждой отрасли, ожидаемое снижение цен по основным товарам, осуществимый рост благосостояния рабочего и т. п.

Меня упрекают в том, что, поставив задачу нарисовать генеральный план — программу движения к социализму — немногими основными штрихами, я затем впал в противоречия с самим собою, развертывая огромную программу работ. Но, упрекая меня в этом, товарищи очевидно забывают, что у художника эти немногие основные штрихи есть лишь видимый результат большого глубокого и тонкого предварительного изучения предмета, изучения анатомии, изучения стиля эпохи и т. п. Для того чтобы иметь возможность

¹ Напомню А. С., что по моей концепции искания оптимумов — работы по генеральному плану будут вестись вечно. И, однако, никого из нас это в содрогание не приводит.

схватить и выделить наиболее характерное в человеке и передать его облик несколькими штрихами, художник должен видеть и наблюдать его целиком, он должен знать человека всего. И это глубокое знание предмета и проникновение в его сущность отличает рисунок гения от безграмотной мазни дилетанта.

То же следует сказать и об основных контурах народного хозяйства.

А. С. Гордон опасается, что об'ем программы приведет к необходимости пользоваться интуитивным методом. Вот как-раз без такого глубокого изучения народного хозяйства и без конкретизации и серьезного обоснования проектировок ничего кроме "интуиции" и не остается в нашем распоряжении.

И. А. Тражтенберг, А. С. Гордон и другие товарищи,— все они соглашаются с тем, что проектировки должны быть конкретными. И даже П. П. Маслов говорит, что нужен не только простой учет накопления, "но и характера накопления, характера вложений... для того чтобы мы могли действительно себе представить картину дальнейшего развития". Но что значит учесть конкретно характер вложений? Необходимость этого учета и заставляет нас в программе требовать ответа на вопрос, каковы эти капитальные вложения: есть ли это простое расширение (без реконструкции), есть ли это новая стройка предприятий старого типа (а таких "белых ворон реконструкции" сейчас сколько угодно), есть ли это подлинная реконструкция старых предприятий, есть ли это постройка предприятий новейшего типа, или это, может быть, еще только "компромисные" предприятия.

Ведь не охватив современного состояния отрасли, вы же не в состоянии ответить на вопрос: что дальше делать? Как и какую реконструкцию осуществлять?

А для того чтобы конкретно, а не в пустых ничего не значащих, ничего не фиксирующих и потому не к чему не обязывающих фразах запроектировать реконструкцию данной отрасли промышленности, вы ведь должны продумать и показать в вашем плане хотя бы в основных и главнейших чертах не только технику, но и самые методы (технологию) производства и те действительно новейшие и оптимальные в наших условиях приемы, которые вы вводите в процесс. Ведь это же прямая обязанность детальных проектировок, составляющих материалы плана и обосновывающих его.

Товарищи должны понять, что между требованием конкретизации и ростом об'ема материалов плана, как-раз никакого противоречия и нет. Общие, абстрактные формулировки всегда компактнее и короче конкретных, рисующих явления в их многообразии.

Но это не должно нас пугать, план исследования и план изложения вовсе не одно и то же.

Для того чтобы наши проектировки были обоснованы и реальны, а не фантастичны и не "интуитивны", надо проделать большую

работу предварительного проектирования и собирания материалов, из которых то, что окажется не характерным, "серым", можно будет отбросить. Зато это даст возможность выделить все типичное, яркое, основное и показательное.

План изложения еще далеко впереди.

Затем, большой группой вопросов являются те вопросы, против которых полемизировал с такой остротой В. Г. Громан. Каким будет генплан? Мы в своей работе характеризуем наше построение, как минимальное, полагая, что жизнь нас опередит. Возражая, В. Г. говорит, что мы исходим в своем утверждении из благоприятствующих факторов, но что есть и противоборствующие явления. К этим противоборствующим явлениям он относит стихию 25 млн. крестьянских хозяйств, стихию природы и т. д.

Однако, не трудно заметить, в чем заключается ошибка В. Г.

Я говорю о будущих технических изобретениях, будущих организационных достижениях, будущих открытиях естественных богатств, т.-е. о факторах в момент проектировки отсутствующих, вернее-не существующих вовсе. А 25 млн. крестьянских хозяйств-разве отсутствующий фактор? А климатические условия—разве отсутствующий фактор? Взятый на 15-20 лет климат есть величина постоянная, и мы ее обязаны учесть. Стихия 25 млн. крестьянских хозяйств — фактор непостоянный. Но если даже американцы считают возможным разрабатывать план развития сельского хозяйства, то мы обязаны это сделать всем существом советской системы хозяйства. Стихия крестьянских хозяйств-фактор непостоянный, но в какую сторону он меняется? Что будет происходить на протяжении периода, охватываемого генпланом? Будет ли эта стихия усиливаться или она все более и более будет охватываться методами планирования? Очевидно, действие этого фактора будет постепенно смягчаться, его противоборство будет уменьшаться. Но так или иначе его действие мы обязаны учесть.

Что касается военного варианта и варианта мировой революции—я сознательно оставляю их в стороне, потому что о них речь должна итти особо; в докладе я отмечал, что мы, прежде всего, должны дать вариант мирного строительства. И именно об этом варианте мы и говорим, что он неизбежно явится минимальным.

В. Г. особенно ополчился на меня в связи с моими примерами из области возможных в будущем технических изобретений, влияния которых мы сейчас учесть, а потому и ввести в наши проектировки,— не в состоянии. Я не знаю, что его так вывело из равновесия. Может быть, та опасность, которая угрожает со стороны установок Хэйта его излюбленному предмету кон'юнктурных наблюдений — дождям?

Замечу кстати, что В. Г. непомерно преувеличивает значение этого естественно-исторического фактора на развитие общественных отношений. В. Г. дает формулу: "В той мере, в которой это хо-

зяйство (речь идет о сельском хозяйстве) будет подчинено силам природы, которыми мы не овладели, в той мере оно будет расти стихийно" (стенограмма речи). Явная переоценка значения метеорологического фактора: климат и метеорологические условия могут оставаться неизменными, а техника обработки земли и социальные отношения меняться. Больше того: этот стихийный фактор гораздо успешнее может быть обуздан и подчинен человеку в плановом хозяйстве, чем в хозяйстве разрозренных и стихийно регулируемых товаропроизводителей. Приведенная же формула В. Г. Громана по сути своей содержит в себе отрицание возможностей успешного развития процессов обобществления в сельском хозяйстве до тех пор пока мы не овладели метеорологическим фактором.

Итак, установки Хэйта приведены мною лишь как пример одного из возможных технических завоеваний в будущем, учесть которые мы в настоящем не в состоянии.

Приведу еще один пример: в тот самый вечер 25/V, когда мы здесь на прошлом заседании клуба спорили на эти темы, два химика — проф. Ракузин и проф. Зелинский, делали на заседании Осоавиахима доклад об открытом ими методе использования почти неисчерпаемых залежей глауберовой соли залива Каспийского моря Карабугаза, естественной фабрикой которой он является. Ими найден новый метод получения из глауберовой соли — соды и серной кислоты, с таким колоссальным производственным эффектом, сосоединенным с такой простотой производственных процессов, что это во много раз удешевляет продукцию. Если эти опыты оправдаются в промышленном масштабе — это целая революция в современной химической промышленности, ибо эти продукты — сода и серная кислота — являются для нее основными.

Если это окажется верным, то я спрашиваю: имели ли мы право неделю тому назад, не зная ничего, учитывать такой новый фактор? Очевидно, нет. Мы знаем, что подобные факторы будут появляться и впредь, но когда они будут появлятьсь и что они будут собой представлять, сейчас предвидеть этого невозможно.

Итак, резюмируя наш спор с В. Г., мы должны сказать следующее: в процессе планирования мы встречаем и благоприятствующие и противоборствующие факторы. С учетом их мы строим генеральный план. Но вот ряд факторов, не существующих в момент проектировки, появится лишь в будущем. Мы расчленяем их на три группы: новейшие изобретения, организационные усовершенствования, открытия естественных богатств. Их революционизирующая роль колоссальна. Постоянное появление в будущем таких факторов будет осложнять наши проектировки, заставит пересматривать генплан, заставит перманетно работать над выявлением оптимума. Поэтому я считаю, что мы не поколеблены в своем предположении о том, что генплан, который мы строим, по необходимости явится минимальным.

Тов. Вайсберг как-будто обижается на это обстоятельство и это, конечно, понятно. Но ведь мы тоже ставим своей задачей, как предлагает и тов. Вайсберг, учесть все возможности максимального развертывания производства и максимальных темпов движения к социализму. Однако, об'ективным ходом исторического развития мы обречены на недоучет возможностей реконструкции. То, что тов. Вайсберг говорит о просчетах годовых планов и материалов к пятилетке-здесь не указ. Недочеты плановой работы никто не предлагает возводить в принцип. В годовых планах мы обязаны учесть все возможности реконструкции, принять во внимание все новейшие достижения техники. В пятилетнем плане, выражаясь мягко, это сделать труднее. В генеральном плане это просто невозможно, и мы вынуждены проектировать его, исходя из существующих достижений и изобретений, заранее подчеркивая, что будем вносить в него в дальнейшем изменения в зависимости от прогресса техники, организации и наших знаний естественных богатств.

Что я из замечаний В. Г. Громана принимаю, так это поправку к формуле роста народонаселения. Давая формулу: "прирост населения есть функция народного благосостояния, меняющегося в генеральном плане", мы брали понятие "народного благосостояния" в весьма расширенном значении. Но, пожалуй, такой общей формулировки действительно не достаточно, нужно ее развить, дополнить и уточнить. И здесь мы обращаемся с запросом к нашим демографам. Они должны подметить выявляющиеся закономерности, обнаружить конкретные причины происшедших и происходящих сдвигов в темпах рождаемости и смертности, установить зависимость их от социально-экономических форм хозяйства, частной собственности, общинного владения, влияние душевых земельных наделов, влияние перехода от капиталистической фабрики к национализированной промышленности, влияние наших мероприятий по охране материнства и младенчества и т. д., и т. п.

Все это для нас крайне важно в целях правильной ориентации в будущем росте народонаселения, ибо в конце концов человек есть центр внимания и основа наших проектировок.

Однако, эти соображения — лучшее доказательство того, что нельзя брать кривые развития народонаселения без всякой критики, наоборот, нужно à priori предполагать какую-то реконструкцию этой кривой.

Затем разрешите перейти к вопросу о кривых развития и о пользовании ими.

В. А. Базаров, выступая прошлый раз, согласился с тем, что у него действительно "нехорошо получилось" в его первой брошюре о методологии, напечатанной в 1924 г., там, где он за основу всего плана развития народного хозяйства рекомендует взять генетически выведенный перспективный план сельского хозяйства. Но он пытается найти себе союзника в этой ошибке и вспоминает, что

в 1920 году Ленин дал директиву строить план, исходя из возможного сбора хлеба и возможного развития экспорта. Однако, я думаю, что В. А. всуе вспоминает имя Ильича. Что писал В. А. в своей брошюре? "Генетически выведенный перспективный план с.-х. продукции явится тем фундаментом, к которому должны быть приноровлены телеологически конструируемые перспективные планы отдельных отраслей промышленвости" (стр. 9). А о чем заботился Владимир Ильич? Он считал народнохозяйственной задачей каждый "лишний" пуд хлеба, полученный от сельского хозяйства, броситькуда? Какой замыслил он план? На какой план вдохновлял Г. М. Кржижановского? — На электрификацию страны, на план реконструкции всего народного хозяйства, в том числе и сельского, именно на этой основе. План электрификации считал он второй программой партии. Далеко это от признания ведущей роли сельского хозяйства!

Методология Ленина: применение наиболее совершенного и наиболее революционизирующего метода разрешения проблемы энергетики в целях реконструкции и промышленности и всего народного хозяйства. Методология В. А. Базарова (в 1924 г.!) — кривые развития наиболее отсталой, наиболее архаической отрасли хозяйства в нашей отсталой стране взять за основу построения плана развития всего народного хозяйства и к ним приноравливать телеологические установки перспектив развития других отраслей!

В своем докладе я отмечал, что к этим работам В. А. уже необходимо подходить "генетически", с учетом обстоятельств места и времени. В рассматриваемом случае это нужнее, чем где бы то ни было. Приведенные установки "по человечеству" можно было бы понять, если бы они относились к 1920—21 гг. Но в 1924 г.— в году, который является переломным в нашей экономической политике, в году, с которого начинается переход в наступление социалистического сектора, реорганизовавшегося и собравшего силы на новых позициях после отступления первых лет нэпа,— в 1924 г. эти установки не могут быть оправданы.

В. Г. Громан, защищая В. А. Базарова, пытается притянуть на помощь Г. М. Кржижановского и говорит, что последний "в 1928 году утверждал, что в деле изучения крестьянского хозяйства закономерности имеют до сего времени актуальное значение". Но одно дело утверждать, что закономерности имеют актуальное значение, а другое дело утверждать, что весь план развития народного хозяйства нужно строить на основе кривых, полученных генетически от изучения динамики прошлого нашего нищенского, отсталого, архаического сельского хозяйства.

Это чрезмерное хотя, может быть, и невольное подчинение своих проектировок кривым развития прошлого находит подтверждение в установках В. А., даже в выступлении его здесь в прошлый раз. В своей речи он говорил: "Материальные возможности в

смысле форм, ктоорые промышленность может развивать, материальные возможности в смысле средств, которые мы можем каждый год бросать - предначертаны" (стенограмма речи). Я утверждаю, что, высказывая это фаталистическое суждение, тов. Базаров недоучитывает организующей роли государства. Материальные возможности не падают с неба, они создаются руками человеческими. Организуя рабочую силу страны тем или иным образом, применяя ее труд в том или ином направлении, организуя кругооборот общественного "капитала" в одних или других пропорциях, вы создаете и различные материальные возможности. Направляя развитие страны по линии проектировок Кондратьева или по линии проектировок и методов Кржижановского, —вы получите разные результаты и в зависимости от них и разные материальные возможности. Фатализм, высказанный здесь В. А., органически родственен рассмотренной выше его концепции, с которой он борется, но преодолеть которую полностью ему не удалось еще и до сих пор.

В заключение остановлюсь еще на следующем. Весь мой доклад посвящен методологии построения генерального плана в некоторых случаях вернее, может быть, было бы сказать — методике, построения его. Сознательно я избегал всяческих загромождений. Я совершенно не считал возможным, например, загромождать эту работу рассуждениями о тех установках, которые будут иметь место в самом уже плане. Поэтому и в заключительном слове я не останавливался на тех, высказанных здесь некоторыми товарищами замечаниях, которые относятся уже к содержанию самого плана. Из тех же соображений я касался только тех регулятивных идей, затронуть которые необходимо в связи с вопросами методологии. Правильно ли я действовал в данном случае? Полагаю, что правильно. Я сосредоточил свое внимание, прежде всего, на методологии погии построения плана в подлинном смысле этого слова

И вот здесь я не согласен с утверждением тов. Гухмана, что регулятивные идеи будут иметь значение и для Германии и других стран, а методология будет у них специальная. Я полагаю, что в наших методологических работах мы выделяем как раз общезначимое. Что в других странах после прихода в них пролетариата к власти разрешение проблем методологии построения генерального плана пойдет теми же путями — это для меня ясно. Я полагаю, что ни Германии, ни Чехо-Словакии, ни Англии, никакой другой стране не уйти ни от искания оптимумов, ни от балансового метода, ни от метода сопоставления со статикой и динамикой прошлого и т. д., и т. п. - от тех конкретных методов построения генерального плана, которые мы применяем в нашей работе. А вот регулятивные идеи -это другое дело. Конкретность условий диктует и конкретные идеи. Там они могут отличаться от тех, которыми мы руководствуемся сейчас здесь. Скажем, чисто индустриальная страна не будет так заботиться об отношениях пролетариата и крестьянства; такая бесспорная для нас регулятивная идея, как курс на индустриализацию, для нее была бы бессмыслицей и т. д. Методика построения плана будет в значительной степени та же, — регулятивные идеи будут своеобразны в зависимости от своеобразия каждой данной страны.

Не касаясь в докладе по приведенным соображениям многих больших принципиальных вопросов, я в первой, положительной части доклада остановился кратко на вопросе о генезисе и телеологии, сформулировав свою точку зрения в паре абзацев. Во второй части доклада, посвященной критическому просмотру нашей литературы, я наоборот уделил этим вопросам очень много внимания. Строго говоря, им посвящена почти вся вторая часть доклада: вопрос о кривых развития и о целевых установках в работах В. А. Базарова и других товарищей, о доведенной до логического развертывания генетической концепции у проф. Никитского и целевой—у т.т. Шарова и Астермана,—все это лишь конкретные формы проявления той же проблемы.

Тов. Вайсберг соглашается со мной в принципиальной оценке состояния разрешенности этой проблемы, полагая лишь, что не для всех еще это в достаточной степени ясно. Поэтому он считает необходимым и впредь заниматься этим вопросом.

Тов. Гухман также соглашается со мной, но он формулирует свое отношение к этому спору иначе. Он говорит, что "это не только праздный, но и вредный спор" и полагает, что "чем скорее этот спор о словах будет прекращен, тем лучше". Я с этим не согласен. Это спор не о словах, а большой принципиальный спор и если я в положительной части доклада уделил ему лишь небольшое количество строк, то не потому, что я считаю, этот вопрос неважным, а потому, повторяю, что проблема сущего и должного, законов причинности и телеологических устремлений теоретически в основном разрешена еще основоположниками научного социализма, а практически разрешается повседневно с момента захвата власти пролетариатом и в наше время нужно действительно уже не дискутировать на эту тему, а изменять мир на основе познания причинных связей явлений. Но вот тут то, когда мы подходим к действительности, чтобы ее изменять, часть товарищей и тянет нас назад и кричит, что мы забываем о "генетике". И вот здесь этим товарищам, поскольку они участвуют с нами в строительстве социализма, нужно сказать предостерегающее слово. Они должны понять, что в логическом развертывании этой "генетической" концепции мертвое хватает живое. Что рекомендует нам эта концепция? По сути дела она рекомендует победоносному пролетариату склонить голову перед закономерностями развития капиталистического общества, принять его темпы, итти его путями, отказаться пользоваться как раз наиболее эффективным оружием, выкованным пролетариатом в огне Октябрьской революции: оружием организованного воздействия на экономику, быть слепым по отношению

к нему, т.-е. отказаться от тех преимуществ, которые пролетариат имеет сейчас в решающей борьбе со своим классовым врагом. Это должно быть абсолютно ясно для каждого из нас.

На этих замечаниях, товарищи, разрешите мое заключительное слово окончить.

Я, вероятно, упустил не один серьезный аргумент, выставлявшийся здесь и вполне заслуживающий того, чтобы на нем остановиться, но, к сожалению, времени, которым мы располагаем, несмотря на двухдневное заседание совершенно недостаточно, чтобы охватить все то колоссальное количество проблем, которые встают перед нами в связи с работами по генеральному плану. Но на основные вопросы я все же ответил. Думаю, что после сказанного здесь, ясна и наша точка зрения по проблемам более частного порядка.

Для дальнейшей нашей работы, товарищи, чрезвычайно важно констатировать, что методология, разработанная Комиссией генерального плана, остается непоколебленной в результате этой дискуссии. Отдельные детали, о которых мы жарко спорили, может быть, будут еще подрабатываться, мы может быть еще в процессе после дующей работы будем их уточнять, но в основном наши установки, сложившиеся в результате еще более жестокой критики, чем та, которую они выдерживали здесь — критики жизни, критики фактов, — в основном эти установки остаются непоколебленными.